

*Л.А. Пименова**

КАК ГОВОРИЛ КОРОЛЬ

Во время Революции XVIII в. во Франции совершается переход от кабинетной политики к публичной. Создав Генеральные штаты, король Людовик XVI создал новую для себя ситуацию, в которой от политического деятеля требовались умение выступать на публике и ораторские качества. В статье рассматриваются речи короля и их восприятие при Старом порядке и в годы Революции. Для изучения роли звучащего слова в отправлении и репрезентации королевской власти при Старом порядке привлекаются тексты словарей и энциклопедий XVIII в., труды теоретиков королевской власти (Ж.-Б. Боссюэ, Ф. Фенелона), речи короля, произнесенные в ходе государственных и придворных церемоний (во время коронации, на королевских заседаниях Парижского парламента – «les lits de justice», на пленарных заседаниях собраний нотаблей), и отклики присутствовавших на этих церемониях свидетелей.

Ключевые слова: Старый порядок, Французская революция XVIII в., Людовик XVI, политический дискурс, репрезентация королевской власти.

Фильм Тома Хупера «Король говорит!» («The King's Speech») поведал зрителям о настойчивых и долгое время безуспешных попытках короля Георга VI избавиться от заикания. Герой Колина Фёрта считал себя неспособным занять престол из-за этого недостатка, никоим образом не ставившего под сомнение его интеллектуальные и волевые качества. Действительно, в XX в., когда регулярные выступления перед массовой аудиторией превратились в неотъемлемую часть политической жизни, а радио – в общедоступное средство информации, способность главы государства твердым голосом произнести воодушевляющую речь, сильный и богатый оттенками голос, ораторские данные стали важными элементами его образа и слагаемыми успеха (или неуспеха в случае отсутствия таковых).

Но это не значит, что звучащее слово политического лидера обрело значение лишь с наступлением эры радио и микрофонов. Речь и рань-

** Людмила Александровна Пименова, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.*

ше была важна при условии публичного характера политики, в частности, в рамках парламентской культуры. Во Франции переход к публичной политике совершился во время Революции XVIII в. Когда весной 1789 г. в Версале собрались Генеральные штаты, депутаты, до того в округах оживленно обсуждавшие пути выхода из финансового кризиса и программы реформ, неожиданно столкнулись с практической проблемой: чтобы реализовать свои планы, им следовало уметь говорить и быть услышанными. В результате на авансцену выдвинулись в первую очередь те из них, кто уже обладал опытом публичных выступлений (адвокаты, священники, члены масонских лож) и/или, подобно О.-Г. Мирабо, от природы был наделен звучным голосом и ораторским даром¹.

Король, создав Генеральные штаты, создал, таким образом, и с этой точки зрения принципиально новую для себя ситуацию. Был ли он к ней готов и мог ли быть готов? Какую роль в образе короля традиционно играло звучащее слово и вообще звуковая составляющая? Где, когда и как звучала и воспринималась речь короля при Старом порядке и после 1789 г.? Обо всем этом пойдет речь в статье.

* * *

Темы образа короля и репрезентации монаршей власти давно уже заняли видное место в историографии. Основные подходы и направления исследований были намечены в классической работе Луи Марена «Портрет короля». Репрезентируемый образ, или, иными словами, «портрет» короля, согласно Марену, складывается из двух составляющих, визуальной и дискурсивной: «Итак, с одной стороны, икона, которая есть реальное и “живое” присутствие монарха; с другой – повествование, которое навсегда увековечивает память о нем»². Зримый образ (будь то сам король или его изображение) и текст, повествующий о короле, – об этих двух сторонах «портрета» короля размышлял Марен, и они же впоследствии не раз становились предметами исторических исследований.

Осмысление репрезентации как в первую очередь визуального и лишь во вторую – аудиального феномена устойчиво. С этой точки

¹ О начавшейся борьбе за лидерство и о значении ораторских способностей депутатов для их политической карьеры см.: *Lemay E.H., Patrick A. Revolutionaries at work: The Constituent Assembly, 1789-1791.* Oxford, 1996. P. 5–7; *Tackett T. Becoming a Revolutionary: The Deputies of the French National Assembly and the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790).* Princeton, 1996. P. 226–234.

² *Marin L. Le portrait du roi.* P., 1981. P. 13.

зрения современные исследователи не отличаются от людей XVII–XVIII вв., что станет ясно, если мы обратимся к словарям и энциклопедиям того времени. Согласно «Словарю Французской академии», термин «репрезентация» может обозначать либо действие, либо предмет. Репрезентация как действие есть «выставление напоказ, перед глазами», а кроме того, этим же словом называют «вещи, которые изображают, будь то кистью или словесно (*par le discours*)»³. В «Словаре Треву» содержание понятия «репрезентация» объяснялось, по сути, так же, только более обстоятельно: во-первых, как «образ, который восстанавливает в нашем сознании и в памяти отсутствующие предметы и рисует нам их такими, каковы они суть» (в качестве синонимов предлагались «изображения» и латинские термины *species*, *imago*, *simulacrum*); во-вторых, как «картина, рисуемая посредством рассказа о поступке или о правдивой либо вымышленной истории»⁴.

Нельзя сказать, чтобы слова, произносимые не о короле, а самим королем, оставались вне поля зрения. Тот же Марен, говоря о портрете короля, представленном в книге Вольтера «Век Людовика XIV», указывает на то, что этот портрет создавался путем не только описания внешнего вида монарха, но и введения в авторский текст прямой речи: «Речь государя, которую нам здесь предлагают читать в ее непосредственной подлинности – “собственные его слова”, – включенная между тем в историческое повествование в качестве одного из эпизодов, производит в самом рассказе историка и в его комментариях *иконический эффект*: тело молодого Людовика предстает поистине королевским телом – величественная осанка, благородные черты, тон и вид повелителя – при помощи *передаваемой* речи и окружающих обстоятельств»⁵. Но за исключением этого эпизода Марен строит свои рассуждения на основе анализа литературных текстов различных жанров, изображений, топографии Парижа и Версаля и сценографии придворных празднеств с точки зрения их роли в создании *портрета* короля, а портрет по определению предназначен, главным образом, для визуального восприятия.

Конечно, при изучении речей, произнесенных в эпоху до изобретения средств звукозаписи, мы вынуждены полагаться лишь на отрывоч-

³ Dictionnaire de l'Académie française. P., 1694. T. 2.

⁴ Dictionnaire universel françois et latin contenant la signification et la définition tant des mots de l'une et l'autre langue, avec leurs différents usages, que des termes propres de chaque état et de chaque profession, communément appelé «Dictionnaire de Trévoux». Nancy, 1740. T. 5. P. 1480–1481.

⁵ Marin L. Op. cit. P. 20.

ные и в значительной мере косвенные свидетельства, причем такие, которые оказались письменно зафиксированными. На значение этой проблемы обратил внимание автор сравнительно недавно защищенной диссертации о дипломатии начала XVIII в. «Хотя историк и остается заложником источников, которыми располагает, – подчеркнул он, – написанный текст не должен затушевывать роль устных разговоров, доверительных бесед и всего того, что было сказано, но не записано»⁶. Звуки устной речи тех далеких времен для нас безвозвратно умолкли. Мы можем лишь попытаться реконструировать их по сохранившимся свидетельствам: записанным текстам самих устных речей и впечатлений от них, описаниям голосов, музыки и шумов. Но при всей несомненной трудности подобного исследования ничего невозможного в нем нет. С методологической точки зрения реконструировать исчезнувшие звуки не сложнее, чем запахи⁷. Предметом коллекционирования и изучения давно уже стали выкрики парижских разносчиков и мастеровых, знаменитые «les cris de Paris»⁸. Если же обратиться к теме звуковой репрезентации власти в раннее Новое время, то можно вспомнить книгу Мишель Фожель о ритуале публикации королевских указов во Франции: автору удалось показать роль звуковых элементов – молитвенного пения, прорезавших тишину фанфар, и голоса глашатая – в создании эффекта незримого присутствия короля⁹.

Каково же было значение слова, речи в осуществлении и репрезентации королевской власти при Старом порядке? Если судить о норме по словарным статьям, то речь выглядит, скорее, «некоролевским делом». Автор статьи «Речь (discours)» в «Энциклопедии» Д. Дидро и д'Аламбера Жан-Франсуа Мармонтель разделяет речь в строгом и широком смысле этого слова. Речь в строгом смысле слова, по Мармонтелю, – это произведение ораторского искусства,

⁶ Hanotin G. Au service de deux rois : L'ambassadeur Amelot de Gournay et l'union des couronnes (1705-1709). Thèse soutenue à l'Université Paris-Sorbonne le 3 décembre 2011. Positions de thèse // http://www.paris-sorbonne.fr/IMG/pdf/Positions_de_these_Hanotin.pdf

⁷ См.: Corbin A. Le Miasme et la Jonquille. L'odorat et l'imaginaire social, XVIII–XIX siècles. P., 1986 (1-е изд. 1982).

⁸ См., например: Kastner J.-G. Les Voix de Paris. Essai d'une histoire littéraire et musicale des cris populaires de la capitale depuis le Moyen Age jusqu'à nos jours, précédé de considérations sur l'origine et le caractère du cri en général et suivi de «Les cris de Paris», grande symphonie vocale et instrumentale. P., 1857; Fournel V. Les Cris de Paris, types et physiologies d'autrefois. P., 1887; Milliot V. Les cris de Paris ou Le peuple travesti: les représentations des petits métiers parisiens, XVIe–XVIIIe siècles. P., 1995.

⁹ Fogel M. Les cérémonies de l'information dans la France du XVIe au XVIIIe siècle. P., 1989.

«подготовленная для публичных и выдающихся случаев совокупность фраз и суждений, объединенных и расположенных согласно правилам», а речь в широком смысле слова – любое выступление, адресованное широкой публике, например, выступление адвоката в суде, проповедь священника, панегирик, надгробное слово, торжественное приветствие, академическая лекция или упражнение студента в красноречии. Все речи, «даже чисто декоративные, подобные тем, что произносятся при приеме или чествовании академиков», должны соответствовать «общепринятым понятиям об истинном красноречии» и, самое главное, «быть трогательными <...>, прочувствованными и пробуждать добрые чувства уважения к принимаемым в члены академий, скорби по ушедшим, благодарности за их труды и добродетели»¹⁰. То есть речь у Мармонтеля представлена как профессиональная компетенция, характерная преимущественно для академической и адвокатской среды.

Статья «Слово» («Parole») в «Словаре Треву», при всей ее лаконичности, вносит в трактовку понятия дополнительные смыслы. Во-первых, в ней примечательно противопоставление написанного или печатного слова произнесенной речи в пользу последней как более живой и действенной: «Слова на бумаге подобны мертвому телу, расprostертому на земле; в устах того, кто их произносит, они живут и действуют; на бумаге они безжизненны»¹¹. Во-вторых, приводя в качестве примера словоупотребления фразу «Этот магистрат обладает большим даром слова, чем светский человек», авторы словаря включают в число субъектов, произносящих слова и речи, наряду с академиками и адвокатами, «светского человека», пусть он и уступает судье в красноречии. Наконец, в другой фразе-примере «Генеральные адвокаты имеют слово, чтобы выступить от лица Короля» в статье появляется фигура короля, который, правда, сам не говорит, а перепоручает свое слово генеральным адвокатам, уполномоченным выступать от его лица.

Входило ли умение говорить в число признанных королевских доблестей? Такой теоретик монаршей власти, как Ж.-Б. Боссюэ называл его в ряду необходимых королю качеств, ссылаясь при этом на тексты

¹⁰ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. T. 4. P., 1754. P. 1033–1034.

¹¹ Dictionnaire de Trévoux. T. 5. P. 558. Генеральные адвокаты, наряду с генеральным прокурором, являлись «людьми короля» («les gens du roi») в парламентах и выступали там от его имени.

Священного Писания: «Изделие хвалится по руке художника, а правитель народа считается мудрым по словам его»¹². Всё в короле, по мысли Боссюэ, должно быть величественным, включая и его речи. Его слова должны быть желанны, им следует внимать в благоговейном безмолвии, как словам Иова в лучшие дни его жизни, когда его окружали слава и почет. «После слов моих уже не рассуждали; речь моя капала на них»¹³, – цитирует Боссюэ «Книгу Иова». То есть король не говорит, а источает речь, как драгоценное миро. Свои мудрые речи королю следует произносить не слишком часто и только в подобающий момент, ибо «иной пустослов уязвляет, как мечом, а язык мудрых – врачует. Кто хранит уста свои, тот бережет душу свою, а кто широко раскрывает свой рот, тому беда»¹⁴. Все дела в королевстве можно уладить и привести в порядок с помощью мудрого слова. Особенно это важно бывает в конфликтных ситуациях, когда требуется успокоить недовольных и привлечь их на свою сторону – и в подтверждение своей мысли Боссюэ приводит целый ряд подходящих сентенций из разных книг Священного Писания. Завершая свои рассуждения о речах короля, Боссюэ вновь обращается к тому, с чего начал, – к «Книге Премудрости Иисуса сына Сирахова». Комментируя взятые из нее слова: «В устах глупых – сердце их, уста же мудрых – в сердце их»¹⁵, Боссюэ предостерегает короля от «недержания речи», ибо тот, кто разглагольствует, «распалается и запутывается в дебрях»; тот же, кто «предусмотрительно умерен в словах», «точно всё взвешивает и говорит лишь то, что хотел сказать»¹⁶. То есть мудрое слово короля, по Боссюэ, – это орудие управления, пользоваться которым следует с умением и осторожностью.

В трактовке Ф. Фенелона речи короля лишены того ореола сакральности, каким их окружил Боссюэ, но с рациональной точки зрения политической целесообразности их значение не умаляется. Королю-арбитру, образ которого автор создал в «Телемаке», необходимо владеть словом, чтобы убедительно излагать свои доводы. «Короли должны договариваться со своими подданными»¹⁷, – утверждал Фенелон устами

¹² Сир. IX, 24.

¹³ Иов. XXIX, 21–22.

¹⁴ Прит. XII, 18; XIII, 3.

¹⁵ Сир. XXI, 29.

¹⁶ *Bossuet J.-B.* Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte. Ouvrage posthume de messire Jacques-Bénigne Bossuet. P., 1709. P. 160–161.

¹⁷ *Fénelon F. de.* Œuvres de Fénelon. Télémaque. P., 1864. P. 472.

Ментора. Идеальный правитель, о котором говорит автор, – это «любезный посредник, а не суровый судия. Его решениям не подчиняются слепо, но испытывают к нему глубокое почтение; он не выносит приговор, как высший судия, но делает предложения, и по его советам все готовы чем-нибудь пожертвовать ради сохранения мира»¹⁸. Кроме того, чтобы управлять своими подданными, королю следует хорошо их знать, а для этого с ними надо общаться и разговаривать. Но при этом мудрому королю не подобает быть многоречивым, каждое его слово должно быть на вес золота. Ментор приводит Телемаку в пример его отца Улисса, у которого «мудрость, подобно печати, всегда держит его уста замкнутыми от любого бесполезного слова»¹⁹. Рассуждения Фенелона представляют для особый интерес, так как это был любимейший автор Людовика XVI; он оказал сильное влияние на формирование взглядов будущего короля, который посвятил ему одно из своих юношеских сочинений²⁰.

Как обычно бывает, практика сильно отличалась от теории. Обучение искусству публично говорить не входило в программу воспитания будущего монарха. Людовик XVI, получивший гораздо более солидное и разностороннее образование, чем его предшественники, основательно изучал языки, математику, физику, географию, право, историю, мораль, но к искусству красноречия интереса не проявил, а его воспитатели тоже не позаботились о том, чтобы развить у будущего государя умение говорить с подданными²¹. Не нашлось среди них и такого образцового придворного, подобного гувернеру Людовика XV маршалу Франции герцогу де Вильруа, который настойчиво вырабатывал у своего августейшего воспитанника величественную королевскую осанку и привычку следовать этикету²². А развивать у него подобные навыки следовало бы, потому что от природы он был застенчив, робок, неловок и необщителен. Понимая это, его тетка Мадам Аделаида пыталась всячески растормошить дофина, приговаривая: «Говори же, герцог Беррийский»²³, говори всё, что вздумается, кричи, ругайся, поднимай шум и гам, как твой брат д'Артуа, перебей у меня посуду, и пусть о тебе

¹⁸ Ibid. P. 458.

¹⁹ Ibid. P. 486.

²⁰ *Maximes morales et politiques tirées de Télémaque, sur la science des rois et le bonheur des peuples*, imprimées en 1766 par Louis-Auguste, Dauphin. P., 1826.

²¹ *Girault de Coursac P.* L'Education d'un roi, Louis XVI. P., 1972 ; *Lever E.* Louis XVI. P., 1985. P. 28–48 ; *Petitfils J.-C.* Louis XVI. P., 2005. P. 36–39.

²² *Antoine M.* Louis XV. P., 1989. P. 55–66.

²³ Титул, который носил будущий Людовик XVI до восшествия на престол.

говорят!»²⁴ Но его гувернер герцог де Ла Вогийон видел свою задачу в том, чтобы воспитать наследника престола набожным, добросердечным, справедливым и твердым. Вопросами репрезентации он, как видно, пренебрегал.

Прилежный ученик усвоил уроки наставника. В юношеских тетрадях он записал, что мудрый, справедливый и богобоязненный государь должен противостоять безбожному и непомерно свободному духу своего века²⁵. В его размышлениях о природе королевской власти постоянно возникают образы короля-отца и короля-вождя: «Все подданные короля – это его дети <...>. Король – это отец большого семейства <...>. Государь – отец и вождь нации»²⁶. Разумеется, красноречие не считается главной отцовской добродетелью, и власть отца семейства держится не на речах. Уподобляя отношения короля с подданными семейным узам, будущий монарх трактует их как естественные и неразрывные. Впрочем, и в семье полезно умение договариваться, находить общий язык. Тем более эти качества требуются вождю, чьи отношения с ведомой им нацией по определению строятся иначе, нежели отношения отца с детьми, и подразумевают обладание личной харизмой. Трудно сказать, задумывался ли наследник престола о подобных различиях, оперируя этими образами в своих записках. Возможно, если и задумывался, они не представлялись ему сколько-нибудь значительными, потому что от Бога наделенный наследственной абсолютной властью король соединял в себе все ее четыре «чистых типа»: власть Отца, Вождя, Господина и Судьи²⁷.

* * *

Произносить публичные речи королю полагалось во время государственных и придворных церемоний. При концентрической, центростремительной организации государства Старого порядка, когда королевский двор являлся центром страны²⁸, обращаясь к избранной публике, король говорил со всеми подданными, представленными в их лице.

²⁴ *Soulavie J.-L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI. 6 vol. P., 1801. T. 2. P. 39.*

²⁵ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon par Louis-Auguste, Dauphin // Œuvres de Louis XVI. 2 vol. P., 1864. T. 1. P. 300.*

²⁶ *Ibid. P. 201, 212, 241.*

²⁷ *Кожев А. Понятие власти. М., 2006.*

²⁸ *Leferme-Falguières F. Le fonctionnement de la cour de Versailles: Une modélisation des notions de centre et périphérie // Hypothèses. 1999. № 1. P. 207–218.*

Такое обращение короля к народу состоялось во время обряда помазания и коронации в кафедральном соборе Реймса 11 июня 1775 г. Сложная многочасовая церемония начиналась с того, что монарх произносил тексты пяти клятв Богу, Церкви и народу Франции. В их число входили обещание хранить привилегии Церкви, Королевская клятва (поддерживать церковный мир, не допускать беспорядков и беззакония, править справедливо и гнать еретиков), клятвы Великого магистра ордена Святого Духа и Великого магистра ордена Святого Людовика, клятва соблюдать эдикты против дуэлей. По словам очевидца, он читал их «громко и твердо на латыни, подчеркивая слова с почтением и вниманием»²⁹. В данном случае в произнесенных королем словах не было ничего личного: они являлись частью коронационного ритуала; в 1775 г. прозвучали те же слова, что и полвека тому назад, во время коронации Людовика XV в 1722 г. Так что к подданным обращался не столько лично король Людовик XVI, сколько представленное в его лице бессмертное тело монархии. От самого же Людовика требовалось «сыграть роль короля», то есть внушительно и без запинки прочесть латинские тексты, врученные ему участвовавшими в церемонии прелатами, с чем он, как видно, успешно справился. Впрочем, впечатления других очевидцев могли отличаться от приведенного выше мнения герцога де Крои. В огромном пространстве Реймского собора, акустические качества которого должны были пострадать в результате возведения трибун для публики, восприятие речей короля во многом зависело от того места, где сидел приглашенный. Но, очевидно, для организаторов церемонии важнее было не *что* (далеко не все присутствовавшие хорошо воспринимали на слух содержание произносимых на латыни коронационных клятв) и даже не *как* король говорит, а как он при этом смотрится: в ходе коронации визуальный аспект репрезентации власти превалировал над звуковым³⁰.

Обращенные к подданным официальные речи монарха звучали и на королевских заседаниях Парижского парламента, именовавшихся «ложжами правосудия» («les lits de justice»)³¹. Эта церемония, изначально

²⁹ Croÿ E. de. Journal inédit du duc de Croÿ. 4 vols. P., 1906–1907. Vol. 3. P. 183.

³⁰ См. об этом также: *Leferme-Falguières F.* Les courtisans: Une société de spectacle sous l'Ancien Régime. P., 2007. P. 78.

³¹ О процедуре их проведения см.: *Hanley S.* The «Lit de Justice» of the Kings of France: Constitutional Ideology in Legend, Ritual and Discourse. Princeton, 1980; *Brown E.A.R., Fami-glietti R.C.* The Lit de Justice: Semantics, Ceremonial and the Parlement of Paris, 1300–1600. Sigmaringen, 1994.

носившая, подобно коронации, преимущественно ритуальный и инаугурационный характер (новый монарх являлся в парламент в ознаменование своего восшествия на престол), в XVIII в. превратилась в средство давления на парламент. Личное присутствие короля на заседании вынуждало магистратов в обязательном порядке регистрировать любой закон, несмотря на высказанные ранее возражения с их стороны. Людовик XVI созывал такие заседания пять раз: для отмены реформы Мопу (12 ноября 1774 г.), дважды в поддержку реформ Тюрго (5 мая 1775 и 12 марта 1776 г.), для принятия плана реформ Калонна (6 августа 1787 г.) и для проведения последней в истории монархии Старого порядка попытки парламентской реформы (8 мая 1788 г.). Кроме «ложа правосудия», король выступал с публичными речами перед первым (на торжественном открытии 22 февраля, 23 апреля и на заключительном заседании 25 мая 1787 г.) и вторым (на открытии и закрытии 6 ноября и 12 декабря 1788 г. соответственно) собраниями нотаблей, созывавшимися в период предреволюционного кризиса.

Церемониал «ложа правосудия» должен был показать, что монарх призвал к себе парламент, дабы объявить ему свою волю, а парламенту полагалось слушать и повиноваться. Как писал недовольный парижский адвокат Луи-Адриен Ле Пеж, «Король не слышит ничего, что там говорится; он всего лишь зритель разыгрывающейся перед ним поистине немой сцены. <...> Он пришел в Парламент с принятым решением»³².

Заседания обычно проходили в подготовленном для этого большом зале кордегардии Версальского дворца. Исключение составляло первое «ложе правосудия» (12 ноября 1774 г.), проведенное Людовиком XVI еще до коронации и посвященное отмене парламентской реформы Людовика XV и канцлера Мопу и восстановлению Парижского парламента в его прежнем виде. Этот шаг в значительной мере представлял собой уступку общественному мнению, возмущенному «деспотизмом» власти, и был рассчитан на завоевание популярности среди как судебных, так и просвещенной элиты в целом³³. Для проведения этого заседания монарх лично явился в Париж во Дворец правосудия на острове Ситэ.

Где бы ни проходило заседание, протокол оставался неизменным. Король со свитой входил к ожидавшим его магистратам, занимал место

³² *Le Paige L.-A. Lettre sur les lits de justice. Par L.-A. Le Paige. 18 août 1756. P. 2.*

³³ Подробнее об этом см.: *Пименова Л.А. Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г. // ФЕ. 2005. М., 2005. С. 195–222.*

на троне и, приподняв шляпу в знак приветствия, сидя обращался к парламенту. Присутствующие должностные лица, обращаясь к королю, преклоняли перед ним колени, после чего с позволения короля вставали и произносили свои речи стоя и с непокрытой головой. Король представлял перед лицом парламента живым воплощением государства, главой одновременно и правосудия в королевстве, и единого тела монархии, подчиненными членами которого являются магистраты. Он говорил как «абсолютный монарх, монарх, или сама власть; абсолют, или власть в ее универсальности»³⁴. «Сейчас все Ложе правосудия завершается актом абсолютной власти (*aujourd'hui tout dans un Lit de Justice se termine à un acte de puissance absolue*) <...>, – писал Ле Пеж. – Король приходит и говорит то, что он уже сказал в другом месте; с вершины украшенного трона он повторяет то, что уже произносил»³⁵. Лишь закрывая последнее заседание в мае 1788 г., король отступил от привычного торжественного церемониала. Возмущенный открытым неповиновением со стороны магистратов парламента, он, по словам очевидца, встал и громко крикнул, что воля его была оглашена и теперь он надеется на неукоснительное ее исполнение»³⁶.

Пленарные заседания нотаблей проходили тоже в Версале, в доме Малых забав, до того служившем для хранения декораций версальской оперы. Пол в зале заседаний был двухуровневым, так чтобы королевский трон и места для принцев крови, членов королевского совета, маршалов и пэров Франции располагались на возвышении»³⁷. Общение короля с нотаблями следовало такому же протоколу, что и его диалог с магистратами во время «ложа правосудия».

В соответствии со сложившейся традицией, вступительное и заключительное слово короля обычно было кратким. На это, в частности, указывал адвокат Ле Пеж в своей записке о «ложах правосудия»: «Обыкновенно король говорит лишь несколько слов, а с предложениями выступает канцлер»³⁸. Монарх напоминал членам парламента, что

³⁴ *Marin L.* Op. cit. P. 15. По словам Э. Браун и Р. Фамильетти, «ложе правосудия было органом, с помощью которого король, успешно или нет, показывал народу свой высший и всё более абсолютный контроль над правлением» (*Brown E.A.R., Famiglietti R.C.* Op. cit. P. 104).

³⁵ *Le Paige L.-A.* Op. cit. P. 2.

³⁶ *Hézecques F. d'.* Souvenirs d'un page de la cour de Louis XVI, par Félix, comte de France d'Hézecques, baron de Mailly / Publ. par M. le comte d'Hézecques. P., 1998. P. 206.

³⁷ *Brette A.* Histoire des édifices où ont siégé les Assemblées parlementaires de la Révolution française et de la Première République. P., 1902. T. 1. P. 24–25, 306–307; *Gruber A.-Ch.* Les grandes fêtes et leurs décors à l'époque de Louis XVI. Genève-P., 1972. P. 141–143.

³⁸ *Le Paige L.-A.* Op. cit. P. 1.

они обладают только теми полномочиями, которые были им вверены королем, а потому обязаны служить королю и исполнять его волю. Затем канцлер (или хранитель печатей, как это было при Людовике XVI вследствие опалы канцлера Мопу) подробно излагал парламенту монаршую волю. Король обращался к парламенту как правитель, наделенный абсолютной властью. Так, восстанавливая Парижский парламент после отмены реформы Мопу, Людовик XVI призывал магистратов ценить его доброту, исполнять свои обязанности и следовать воле государя ради счастья подданных, кое всегда было и будет единственной целью короля³⁹. А, например, «ложе правосудия» 6 августа 1787 г. он открыл словами: «Господа, не пристало моему парламенту сомневаться в моей власти, как и в той, что я ему вверил. Мне всегда нелегко бывает решиться употребить всю полноту своей власти и отойти от обычных процедур, но сегодня мой парламент вынуждает меня к этому, а первостепенная необходимость спасения Государства делает это моим долгом»⁴⁰.

Закрывая заседание «ложа правосудия», король произносил не более двух-трех фраз о том, что присутствующие услышали его волю и теперь обязаны усердно и неукоснительно ее исполнять «ради общего блага» и «верности истинным принципам монархии»⁴¹. Заключительное слово короля на собраниях нотаблей было столь же кратким, но иным по содержанию: монарх благодарил нотаблей за усердие, заверял их в своей неизменной заботе о счастье народа и обещал внимательно изучить результаты их работы⁴².

От принятого протокола отличались речи, произнесенные на «ложах правосудия» в марте 1776 и мае 1788 г., когда король и его советники в обстановке общественного недовольства предложенными реформами сочли необходимым развернуто и убедительно обосновать свою позицию неизменной заботой государя об общем благе и счастье народа. Заслуживает внимания тот факт, что, если верить воспоминаниям королевского пажа, многие из своих речей Людовик XVI сочинял сам⁴³. В речи 7 марта 1776 г., обращаясь к депутации парламента в преддвие-

³⁹ Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle / publ. par J. Flammermont et M. Tourneux. 3 vol. P., 1898. T. 3. P. 232.

⁴⁰ Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle. P. 676–677.

⁴¹ См., например: Ibid. P. 255, 269, 272, 688.

⁴² Archives parlementaires de 1787 à 1860: recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises / sous la direction de J. Mavidal et E. Laurent. 1-ère série. P., 1868. T. 1. P. 230–231, 482.

⁴³ Hézecques F. d'. Op. cit. P. 11.

рии очередного «ложа правосудия», король обстоятельно высказался в защиту эдиктов о свободе хлебной торговли и упразднении цехов и объяснил, что начатые Тюрго реформы призваны обеспечить благоденствие подданных и ни в коей мере не нарушают привилегий дворянства⁴⁴. Закрывая заседание парламента 12 марта 1776 г., король вновь счел нужным аргументировать свою поддержку эдиктов Тюрго тем, что их «побудила издать любовь к подданным». «В мои намерения вовсе не входило смешение сословий, – уверял Людовик, – я лишь желаю править по справедливости и законам (*mon intention n'est point de confondre les conditions, je ne veux régner que par la justice et les lois*). Ежели опыт выявит изъяны некоторых положений, содержащихся в данных эдиктах, то я позабочусь об их исправлении»⁴⁵.

На последнем «ложе правосудия», проведенном 8 мая 1788 г. в разгар острого политического кризиса в стране, мотивируя необходимость радикальной парламентской реформы, Людовик посетовал на непокорность парламентов, которая привела к беспорядкам в системе правосудия и в стране в целом. В изложенной им аргументации этой реформы главное место заняли ссылки на историческую традицию. Король сделал акцент на том, что желает вовсе не уничтожить парламенты, как утверждают противники реформы, а напротив, «восстановить их и заставить исполнять свой долг <...>, превратить момент кризиса в эпоху, спасительную для моих подданных <...>; вернуть Нации ее законные права», неотделимые от прав короля. Сделав экскурс в историю создания парламента Филиппом Красивым, Людовик XVI провозгласил, что во имя величия государства восстанавливает права короля и законность в их первоизданном виде. «Движимый любовью к моим подданным, я подготовил такую реставрацию и утверждаю ее сегодня ради их счастья, – сказал в король в завершение своей пространной речи. – Моей единственной целью всегда будет сделать их счастливыми»⁴⁶.

Речи короля перед собраниями нотаблей (не считая кратких заключительных слов на закрытии заседаний) тоже были более развернутыми, чем обычные его выступления перед парламентом. Это и неудивительно. В отличие от королевских заседаний парламента, собрания нотаблей, не созывавшиеся с начала XVII в., не были привычными

⁴⁴ Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle. P. 325.

⁴⁵ Ibid. P. 355–356.

⁴⁶ Ibid. P. 750–751.

протокольными мероприятиями, так что сам их созыв полторы сотни лет спустя воспринимался как событие экстраординарное и требующее обоснования. Обращаясь к нотаблям, король объяснял им, с какой целью их собрал и каких результатов ждет. Открывая первое собрание (1787), он подчеркнул, что, созывая нотаблей, идет по стопам предков и следует их примеру⁴⁷. Так как первое собрание нотаблей созывалось для обсуждения состояния финансов и программы реформ Калонна, Людовику пришлось убеждать нотаблей в необходимости осуществить «великие и важные» планы: увеличить государственные доходы, равномернее распределить бремя налогов и принять самые эффективные, пусть даже непопулярные меры для покрытия бюджетного дефицита. Он призывал собрание продемонстрировать усердие и верность во имя величия Франции и ее короля. «Надо показать всему миру, – заключил Людовик, – каким я обладаю преимуществом править верной и могущественной нацией, соединяющей в себе силу и любовь к королю»⁴⁸. Как известно, аргументы короля не возымели силы, и план реформ был отвергнут. Речь Людовика перед вторым собранием нотаблей (1788) получилась короче, но на сей раз и задача была проще: вновь сославшись на неизменное намерение «обеспечить навеки счастье моих народов», король объяснил, что для этого ему требуется выслушать просвещенное мнение нотаблей относительно процедуры предстоящего созыва Генеральных штатов⁴⁹.

Примечательно, что свидетели публичных речей короля – участник церемонии помазания герцог де Крои и присутствовавший на «ложе правосудия» королевский паж – подробно описывали декор интерьеров и костюмы главных действующих лиц, но при этом крайне скупко сообщали о своих впечатлениях от услышанного вообще и от слов короля в частности. Наблюдавшая за открытием первого собрания нотаблей княгиня Н.П. Голицына отметила, что «оно прошло с большим достоинством и церемонией»⁵⁰. Однако по свидетельству участника собрания государственного советника Видо де Ла Тура, слова короля прозвучали

⁴⁷ Archives parlementaires. Т. 1. P. 188.

⁴⁸ «Il s'agit de la gloire de la France dont la mienne est inséparable, et de montrer à l'univers l'avantage que j'ai de commander à une nation fidèle et puissante, dont les ressources, comme l'amour pour ses rois, sont inséparables» (Archives parlementaires. Т. 1. P. 226–227).

⁴⁹ Archives parlementaires. Т. 1. P. 392.

⁵⁰ Голицына Н.П. «Remarques sur mes voyages». Дневник путешествия по Европе 1783–1790 гг. // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 64 Вяземы. К. 113. Ед. 1. Л. 68 (об.).

тихо и невнятно⁵¹. Правда, в отличие от него виконтесса де Ломени в своих воспоминаниях записала, что «Король открыл собрание Нотаблей прекрасной речью (par un très beau discours), в которой объяснил, для чего он их созвал»⁵². Но мнение Видо де Ла Тура заслуживает большего доверия, так как виконтесса не могла лично присутствовать при описываемых событиях и только читала опубликованный текст речи короля.

Помимо официальных речей на государственных церемониях король обращался к подданным и в более непринужденной обстановке во время многочисленных празднеств и приемов при дворе. Владение словом, умение вести беседу и воздействовать на собеседника уместно сказанной фразой составляли часть свойственного придворному обществу искусства общения с людьми⁵³. В XVIII в. в силу известной нелюбви Людовика XV и Людовика XVI к протоколу и постоянной жизни на публике значение менее формализованного общения короля с подданными при дворе только возросло. По словам близкого к придворным кругам аббата Ж.-А. де Вери, «Королевские советы должны знать, что зачастую слова важнее дел (les mots emportent souvent les choses)»⁵⁴. Слова, обращенные королем, к кому-либо из министров или придворных, передавались из уст в уста, записывались, тиражировались, пересказывались, перетолковывались и в конце концов обретали довольно широкую аудиторию.

Парижский издатель и книготорговец Симеон-Проспер Арди тщательно записывал в дневнике разнообразные сведения о заинтересовавших его событиях, в том числе доходившие до него слухи о том, что и кому говорил король. Публика, собиравшаяся в книжной лавке Арди, читала вслух выдержки из его дневника, и собранная хозяином информация таким образом распространялась вширь. По слухам, стекавшим к Арди, король был человеком справедливым, бережливым и высокоморальным. Все приведенные в дневнике книготорговца выдержки из речей короля иллюстрируют именно этот образ. Записанные при-

⁵¹ *Egret J.* La Pré-révolution française. P., 1962. P. 13.

⁵² Extrait des souvenirs de la vicomtesse de Loménie // *Journal de l'assemblée des notables de 1787 par le comte de Brienne et Etienne Charles de Loménie de Brienne, archevêque de Toulouse* / publ. par P. Chevallier. P., 1960. P. 122.

⁵³ *Эуас Н.* Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. С. 134–138; *Fumaroli M.* La conversation // *Les lieux de mémoire / sous la dir. de P. Nora. T. III. Les France.* Vol. 2. P., 1992. P. 679–743; *Lilti A.* Le monde des salons : Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. P., 2005. P. 73–80.

⁵⁴ *Veri, l'abbé de.* Journal de l'abbé de Veri. 2 vol. P., 1928–1930. T. 1. P. 214.

меры высказываний Людовика весьма ярки и афористичны. Так, вскоре после восшествия короля на престол, в мае 1774 г. Арди сообщает, что монарх имел часовую беседу с генеральным лейтенантом парижской полиции А.-Р. Сartiном, в ходе которой будто бы сказал: «Займитесь, сударь, исправлением нравов в столице, а я возьму на себя исправление нравов двора»⁵⁵. Заявленную тему продолжает и развивает анекдотический случай, рассказ о котором появился два года спустя. По слухам, однажды король прогуливался инкогнито в окрестностях Версаля и по дороге на Сен-Клу заметил элегантный загородный домик, в который прибыла карета с девицами легкого поведения. Людовик выяснил, что дом принадлежит гувернеру королевских пажей. Через несколько дней при встрече он сказал гувернеру к немалому его смущению: «Я не советую вам приводить туда моих пажей; это тем более не доставит мне удовольствия, что вы принимаете там весьма дурную компанию»⁵⁶.

Отправляемая за границу анонимная «Секретная политическая корреспонденция», носившая не слишком тщательно завуалированный пропагандистский характер, тоже подчас вкладывала в уста короля чеканные афоризмы. Автор корреспонденции поведал о том, как ассамблея французского духовенства выразила недовольство сочинениями Лагарпа и прочих философов-просветителей и создала комиссию для рассмотрения книг, способных нанести ущерб общественной нравственности. Депутация духовенства отправилась к королю за одобрением. «Король ответил депутации мудро, справедливо и последовательно. Вот его ответ: «Господа, я всегда буду поддерживать Религию в моем Королевстве, но вы не должны во всем полагаться на власть. Ваш пример есть истинная опора Религии, и ваше поведение, ваши нравы и добродетели суть самое действенное оружие против тех, кто дерзнет на нее нападать»»⁵⁷.

Такие рассказы о короле, являющем собой образец государственной мудрости и высоких моральных качеств, распространялись по Парижу и по Европе. Но люди, имевшие возможность лично встречаться и говорить с монархом, отзывались о нем иначе. Они отмечали, что Людовик XVI не обладал способностью к неформальному общению ни

⁵⁵ « Chargez vous, Monsieur, de la Réforme des Moeurs dans la Capitale, et moi Je me charge de réformer celles de la Cour » (*Hardy S.-P. Mes loisirs, ou Journal d'Événements, tels Qu'ils parviennent à ma connoissance. Bibliothèque Nationale de France. Ms fr. 6681 (mf. 2567). P. 343.*)

⁵⁶ *Hardy S.-P. Mes loisirs. Ms. Fr. 6682 (mf. 2568). P. 203.*

⁵⁷ *La Correspondance politique secrète // Cahiers Louis XVI. 1992. № 6. P. 151.*

с придворными, ни с народом, и не раз его в этом упрекали. «Было бы желательно, – сетовал герцог де Крои после коронации, – чтобы король поговорил с кем-нибудь из народа и выказал бы, подобно Людовику XIV, столько же величия, сколько он проявил доброты и старания сделать всё как можно лучше»⁵⁸. Через полтора года его наблюдения за монархом приводят к столь же малоутешительным заключениям: «Молодой Король <...> не блещет ни осанкой, ни тоном»⁵⁹. Такое же впечатление Людовик произвел во время аудиенции и на коменданта Бреста маркиза де Ланжерона: «У Короля есть достоинства <...>, и он здраво рассуждал с нами обо всех предметах. Но он совершенно не способен возбуждать в людях желание служить ему»⁶⁰. Когда я вышел из кабинета, я сказал г-ну де Монбаре⁶¹: “Вам следовало бы немного научить государя тому искусству вдохновлять людей на бой, каковым обладал Людовик XIV. Ибо он ничего в этом не смыслит”»⁶². Разговор этот состоялся весной 1778 г., когда король Франции заключил союз с Соединенными Штатами Америки и открыто вступил на их стороне в войну против Великобритании, так что вопрос о способности монарха воодушевлять своих подданных и вести за собой обрел особую актуальность. В силу природной застенчивости Людовик чувствовал себя уверенно только в кругу самых близких людей, которым он доверял, и «избегал <...> говорить с кем-либо, кроме г-на де Морепа»⁶³. Королева Мария-Антуанетта в письме к сестре характеризовала супруга как человека «очень робкого и малоразговорчивого; он охотно слушает, не говоря ни слова»⁶⁴.

В обращении с людьми Людовик мог допускать неловкости и откровенную грубость. Граф д’Алонвиль вспоминал о том, какой неприятный осадок остался у него после столь знаменательного для каждого дворянина дня представления ко двору. Король не любил эту процедуру, так как тяготился присутствием новых, незнакомых ему лиц. В тот день среди новичков оказался отставной морской офицер из Бретани, выделявшийся нескладной фигурой, растрепанным париком

⁵⁸ Croÿ E. de. Op. cit. P. 209.

⁵⁹ Ibid. P. 291.

⁶⁰ Mais il est bien maladroit pour exciter les gens à le servir.

⁶¹ Военный министр.

⁶² Veri, l’abbé de. Journal de l’abbé de Veri. T. 2. P. 101–102.

⁶³ Croÿ E. de. Op. cit. P. 291. Ж.-Ф. Фелипо, граф де Морепа стал при Людовике XVI государственным министром и главой Королевского совета финансов.

⁶⁴ Louis XVI, Marie-Antoinette et madame Elisabeth. Lettres et documents inédits / publ. par F. Feuillet de Conches. P., 1864. T. 1. P. 94.

и неумением держаться в седле. Всё это послужило предметом насмешек короля, а дело было в январе 1788 г., когда обстановка в стране накалялась и в разных слоях французского общества росло недовольство политикой правительства. Остроты короля были не просто невежливыми, но и неблагоразумными с политической точки зрения. Обиженный им дворянин вскоре стал лидером антиправительственных выступлений в своей провинции. «Мне хочется верить, – заключает д'Алонвиль, – что в своей оппозиции он руководствовался убеждениями, но не двигало ли им и оскорбленное честолюбие?»⁶⁵ Даже беззаветно преданный своему повелителю и восторженно отзывавшийся о его человеческих качествах паж д'Эзек скрепя сердце признавал: «То, что было с его стороны просто шуткой, оставляло зачастую тягостное воспоминание; но если бы он только знал, что причиняет боль, он не позволил бы себе ни малейшей насмешки»⁶⁶.

Сопоставление свидетельств людей из королевского окружения и парижского книготорговца выявляет разницу между впечатлениями от личного общения с неловким, не способным найти верное слово человеком и «портретом короля», репрезентирующим образ мудрого, справедливого и добродетельного отца нации.

Мы видим, что к 1789 г. у Людовика XVI был накоплен опыт публичных выступлений официального, протокольного характера – таких, когда король говорил, а подданные внимали. Он мог весьма успешно исполнять роль короля в рамках четко определенного ритуала. Но мнения очевидцев единодушны в том, что он не обладал ни талантом, ни привычкой к импровизированным публичным выступлениям. Между тем весной 1789 г., когда были созданы Генеральные штаты, эти качества политического лидера обрели гораздо большее значение, чем прежде.

С началом Революции количество публичных выступлений короля возросло. За сравнительно короткий период (5 мая 1789 – 30 сентября 1791 г.) он семь раз обращался с речами к депутатам Генеральных штатов и Учредительного собрания. Первой в этом ряду стала речь на торжественном открытии Генеральных штатов в большом зале дома Малых забав 5 мая 1789 г., которую Людовик тщательно обдумал и вы-

⁶⁵ *Allonville A.-F., comte d'. Mémoires secrets de 1770 à 1830. V.1–2. Bruxelles-Leipzig, 1838. Т. 1. P. 242–243.*

⁶⁶ «Ce qui était de sa part une simple plaisanterie laissait souvent un souvenir quelque peu douloureux; mais s'il avait cru faire le moindre mal, il se serait interdit la plus légère gaieté» (*Hézeques F. d'. Op. cit. P. 7).*

учил наизусть. Обращение к депутатам король начал ссылкой на историческую традицию и заметил, что «хотя долгим был перерыв со времени последних собраний Генеральных штатов и созыв этих ассамблей, казалось, ушел в прошлое», он, тем не менее, «не колеблясь возродил обычай, способный придать королевству новую силу и открыть нации новый источник счастья». Отметив, что долг, образовавшийся еще за годы предыдущего царствования, возрос в результате победоносной войны, Людовик похвалил духовенство и дворянство за готовность отказать от налоговых привилегий и выразил уверенность, что представители всех сословий оправдают его надежды, то есть помогут найти наилучший способ преодолеть финансовый кризис и восстановить порядок. В общем, по содержанию королевская речь напоминала те, с которыми он обращался к парламенту и нотаблям: в трудный момент монарх по доброй воле собрал вокруг себя лучших представителей своего народа, а им следует поддержать его, приняв верные решения. Король по-прежнему говорил как наделенный абсолютной властью отец нации, отвечающий за нее перед Богом. Вся обстановка заседания – начиная с появления короля в мантии ордена Святого Духа, в шляпе, украшенной перьями и бриллиантами, в окружении большой свиты, – тоже содействовала созданию такого образа. Свою речь монарх читал сидя, тогда как депутаты внимали ему стоя и с непокрытыми головами. Людовик призывал уповать на его неизменную и искреннюю любовь к народу и «внимательную заботу об общественном благе». Особенностью этой его речи были неоднократные ссылки на «всеобщее беспокойство» и «непомерную жажду новшеств», которые «овладели умами и могли окончательно сбить всех с толку, если бы мы не поспешили положить этому конец, собрав людей мудрых и умеренных». Обращаясь к депутатам, король назвал их «представителями нации, коей мне выпала слава править», и выразил надежду, что в обстановке опасного возбуждения умов «собрание представителей нации будет прислушиваться лишь к мудрым и осторожным советам»⁶⁷.

Речь на церемонии открытия Генеральных штатов представляла собой приветствие монарха и призыв к согласию. Программная речь Людовика XVI прозвучала на королевском заседании 23 июня. Собственно, это была даже не одна речь, а целых три. Сначала монарх напомнил депутатам о своих благих намерениях вывести страну из кризиса и доброй воле, проявившейся в созыве Генеральных штатов, а им остава-

⁶⁷ Archives parlementaires. Т. 8. Р. 1–2.

лось лишь завершить начатое королем дело. Однако вместо этого они погрязли в спорах о процедуре голосования и за прошедшие без малого два месяца не продвинулись ни на шаг. Монарх заявил о своей решимости «покончить с этими пагубными раздорами <...> во имя общего блага моего королевства и ради меня самого»⁶⁸. Вслед за этим секретарь зачитал текст королевской декларации о порядке работы Генеральных штатов, в которой говорилось о сохранении сословных различий, сеньориальных прав и посословного голосования в Генеральных штатах, а решение депутатов третьего сословия объявить себя Национальным собранием объявлялось не имеющим законной силы. Затем король вновь взял слово, чтобы сообщить о намерении огласить даруемые им народу «различные благодеяния». За этими словами последовало чтение «Декларации намерений короля» с изложением одобренной монархом программы реформ при сохранении основ Старого порядка, абсолютной власти короля и сословного строя⁶⁹. В заключение Людовик вновь обратился к депутатам с краткой речью, в которой напомнил депутатам, что является «естественным гарантом» законности и права в стране и поэтому ни одно их решение не обретет силы закона без его одобрения. Более того, ежели депутаты станут упорствовать в непослушании, то впредь он в одиночку будет «заботиться о благе народов и одного себя считать их истинным представителем»⁷⁰.

Задействованная королем риторика была противоречивой. С одной стороны, Людовик упорно напоминал, что он «отец всех своих подданных» и «защитник законов королевства», по-отечески строго выговаривал депутатам за непослушание и «чрезмерные претензии»⁷¹. С другой стороны, его речь изобиловала вполне современной «патриотической» риторикой и рассуждениями о «благе народа», «счастье нации» и «любви к родине». На многих депутатов, особенно из третьего сословия, эти речи короля и его «Декларация намерений» произвели неблагоприятное впечатление. Изложенная программа действий большинству казалась архаичной; депутатов третьего сословия король оттолкнул от себя уже тем, что осудил и объявил недействительным принятое ими неделю назад решение провозгласить себя Национальным собранием. Когда Людовик выходил из зала, многие остались молча сидеть на своих местах. Даже весьма умеренно настроенные депутаты сетовали на

⁶⁸ Ibid. P. 143.

⁶⁹ Ibid. P. 144–145.

⁷⁰ Ibid. P. 145–146.

⁷¹ Ibid. P. 143–144.

то, что король решил вопреки всему вновь продемонстрировать свою «абсолютную волю», а некоторые с горькой иронией называли прошедшее заседание «ложем правосудия»⁷². По словам Э. Левер, «король и его подданные говорили теперь на разных языках»⁷³. Но в свете дальнейших событий этот вывод представляется слишком категоричным.

В следующий раз король появился в Национальном собрании 15 июля, когда в Париже произошло восстание. Этот визит отличался от предыдущих. На сей раз Людовик пришел без свиты, в сопровождении только двух братьев и нескольких гвардейцев, чтобы заявить о своей готовности отвести войска от Парижа и Версаля и обсуждать с Национальным собранием все законы. Произнесенная им речь – при сохранении некоторых принципиальных постулатов – тоже зазвучала по-новому. Людовик вновь обратился к депутатам как естественный глава нации к ее избранным представителям и подчеркнул неразрывное единство короля и народа. Вместе с тем теперь он уже не требовал безоговорочного повиновения монаршей воле, а продемонстрировал готовность к диалогу и сотрудничеству. Обращаясь к депутатам, он заявил, что «глава нации приходит с доверием к ее представителям (*le chef de la nation vient avec confiance au milieu de ses représentants*)», и обратился к ним за советом и помощью, чтобы «найти средства восстановить порядок и спокойствие» и «обеспечить спасение Государства»⁷⁴. Слова короля вызвали настоящий взрыв энтузиазма и радости среди депутатов. Они повскакали с мест с криками «Да здравствует король!», взбегались на скамьи, аплодировали, бросали шляпы в воздух, обнимались и даже плакали от радости⁷⁵. После прекращения беспорядков в столице, 18 июля король прибыл в Париж. По свидетельствам очевидцев, парижане оказали проезжавшему по улицам королю более холодный прием, нежели депутатам⁷⁶. От его общения с депутатами в ратуше сохранилась одна фраза, которую парижане тогда передавали из уст в уста: «Мой народ может всегда рассчитывать на мою любовь»⁷⁷.

В очередной раз выступить с большой речью перед депутатами Учредительного собрания король решил более полугода спустя, 4 февраля 1790 г. Обстоятельства этого выступления показывают, как происходив-

⁷² Tackett T. Op. cit. P. 154–155.

⁷³ Lever E. Op. cit. P. 504.

⁷⁴ Archives parlementaires. T. 8. P. 236.

⁷⁵ Tackett T. Op. cit. P. 163–164.

⁷⁶ Ibid. P. 166–167.

⁷⁷ Archives parlementaires. T. 8. P. 247.

шие в государстве политические перемены влекли за собой изменение официального церемониала, который буквально импровизировался на ходу. В отличие от торжественно обставленных выходов короля к депутатам 5 мая и 23 июня 1789 г. теперь он появился в зале заседаний в простом платье в сопровождении одних только министров. Он сам отказался от того, чтобы в зале был установлен трон, однако был обескуражен, увидев, что приготовленное для него кресло стоит не на обычном возвышении, а вровень с креслом председателя собрания. Тогда Людовик предпочел говорить стоя, чем вынудил и депутатов тоже встать. В беспрецедентной по своей продолжительности речи, составленной с помощью Ж. Неккера⁷⁸, он в первую очередь подчеркнул, что страна переживает критический момент своей истории, характеризующийся «постепенным нарастанием беспорядка и неподчинения, нарушениями или бездействием правосудия, недовольством, порождаемым нуждой, оппозицией, взаимной ненавистью как неизбежным следствием долгих раздоров, критическим положением финансов и необеспеченностью государственного благосостояния, наконец, всеобщим возбуждением умов». Само его решение выступить в тот момент перед депутатами было связано с новой волной крестьянских восстаний («второй жакерией») в западной и юго-западной Франции в конце 1789 – начале 1790 г.⁷⁹ В сложившейся обстановке король счел нужным обратить внимание депутатов на необходимость сильной исполнительной власти для защиты собственности, поддержания порядка и стабильности в стране, а следовательно, и обеспечения ее будущего счастья и процветания. Напомнив, что на протяжении своего царствования он неоднократно пытался проводить реформы и расширять участие подданных в управлении, Людовик заверил депутатов в своей поддержке новых политических принципов, готовности сотрудничать и «защищать конституционную свободу», так как «монарх и представители Нации объединены общими интересами и чаяниями». Речь короля была очень эмоциональна и, вместе с тем, тонко продумана. Людовик заверил депутатов, что королева «полностью разделяет» его чувства и они вместе собираются «с ранних лет готовить ум и сердце сына к новому порядку вещей»⁸⁰. Трогательный пассаж о воспитании дофина взывал к простым человеческим эмоциям и сближал монарха с его аудиторией, создавая в глазах депутатов образ

⁷⁸ *Petitfils J.-C.* Op. cit. P. 742–744.

⁷⁹ См.: Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция: Крестьянское движение в 1789–1794 гг. М., 1987. С. 132–141.

⁸⁰ Archives parlementaires. Т. 11. P. 429–431.

не отдаленного небожителя, а подобного им отца семейства. Речь возымела заслуженный успех и вызвала бурные аплодисменты. Письма многих депутатов, обработанные Т. Тэкеттом, полны восторгов от слов «нашего гражданина-монарха». Недовольны были лишь крайне правые, оказавшиеся большими роялистами, чем сам король, и усмотревшие в этом выступлении умаление королевского величия⁸¹.

Еще через полгода королю представилась возможность обратиться уже не только к депутатам, но и непосредственно к народу на празднике Федерации 14 июля 1790 г., хотя воспользоваться ею в полной мере он не сумел. Фактически он уступил главную роль в торжественной церемонии командующему Национальной гвардией Лафайету. Именно Лафайет поднялся на расположенный в центре Марсова поля алтарь Отечества для принесения гражданской присяги, что явилось кульминацией церемонии и вызвало всеобщий энтузиазм, тогда как король все время оставался отчасти в стороне от происходившего. Он прибыл на Марсово поле, войдя через заднюю дверь в здание Военной школы и проследовав затем в приготовленный для него павильон. Присягу нации от имени «короля французов» «употребить всю власть, вверенную мне конституционным законом Государства, ради сохранения Конституции и исполнения законов»⁸² Людовик XVI, в отличие от Лафайета, принес со своего места возле Военной школы, не поднимаясь на алтарь Отечества. Таким образом, он упустил шанс сыграть перед многотысячной публикой, собравшейся на Марсовом поле, роль национального лидера, к чему его тщательно призывали сторонники, в частности, О.-Г. Мирабо. Как писал Мирабо графу де Ла Марку, «следовало бы отделить генерала Федерации от монарха и предписать королю исполнение обеих ролей. Приняв парад, генерал Федерации вновь стал бы королем и поднялся на трон, откуда опять сошел бы для того, чтобы перед алтарем принести присягу»⁸³. Но Людовик XVI не последовал советам Мирабо и не попытался стать протагонистом церемонии на гигантском открытом пространстве Марсова поля.

В следующий раз Людовик XVI явился в Учредительное собрание 19 апреля 1791 г., чтобы выразить решительный протест в связи с тем, что накануне толпа парижан не дала ему выехать в Сен-Клу на Вербное воскресенье. Появление в собрании короля в сопровождении ми-

⁸¹ Tackett T. Op. cit. P. 276–277.

⁸² Réimpression de l'Ancien Moniteur depuis la réunion des Etats-Généraux jusqu'au Consulat. P., 1841. T. 5. P. 131.

⁸³ Озюф М. Революционный праздник, 1789–1799. М., 2003. С. 70.

нистров на этот раз было неожиданным: письмо, возвещающее его приход, поступило не заранее, как обычно, а непосредственно перед самим визитом монарха. При его появлении в собрании вновь, как и год назад, дала о себе знать неопределенность этикета. Когда Людовик вошел, в зале раздались голоса: «Шляпы долой!», в ответ другие депутаты закричали: «Нет нужды об этом говорить!»⁸⁴ Все депутаты встали, и король, тоже стоя, зачитал протест, подтвердив при этом свою приверженность конституции, благосклонность к Национальному собранию и неизменную заботу о счастье народа⁸⁵.

Когда в сентябре 1791 г. Учредительное собрание завершило свою работу, приняв конституцию, королю как главе государства предстояло официально ее одобрить. Так как после недавней неудавшейся попытки бегства королевской семьи отношение к Людовику XVI изменилось, депутаты не замедлили символически выразить ему свое осуждение. 14 сентября король пришел в Учредительное собрание для принесения присяги на верность конституции. То, что король теперь обращался к депутатам стоя, уже, можно сказать, фактически закрепилось в протоколе. Однако на этом церемониальное противостояние главы государства с народными избранниками не закончилось. Людовику предстояло испытать очередное унижение и достойно на него отреагировать. Церемония присяги происходила следующим образом. Стоя обращаясь к депутатам, король начал говорить: «Господа, я пришел сюда, чтобы торжественно засвидетельствовать свое признание *конституционного акта*; следовательно я клянусь (при этих словах депутаты сели) хранить верность нации и закону, употребить всю вверенную мне власть на то, чтобы защищать Конституцию, принятую Национальным учредительным собранием (здесь король тоже сел), и исполнять законы»⁸⁶. Так стороны обменялись нелюбезностями. Правда, пока всё еще завершилось обычными аплодисментами и возгласами «Да здравствует король!».

Через две недели, 30 сентября 1791 г. королю предстояло произнести речь на закрытии Учредительного собрания. В тот день депутаты оказали монарху более теплый прием, чем в прошлый раз. При его появлении в зале все встали и обнажили головы. Аплодисменты и крики «Да здравствует король!» звучали при входе Людовика в зал, неоднократно прерывали его речь и долго не смолкали в конце. Взрывы энтузиазма у де-

⁸⁴ Archives parlementaires. T. 25. P. 200.

⁸⁵ Ibid. P. 201.

⁸⁶ Archives parlementaires. T. 30. P. 635.

путатов вызвали, в частности, слова монарха о том, что он «засвидетельствовал иностранным державам свое признание этой Конституции» и будет «с неизменной твердостью» следить за ее исполнением. Большой успех возымел также призыв «вернувшись к родным очагам», «передать согражданам чувства» короля и сказать им всем, «что король всегда будет их самым лучшим и верным другом <...>, что он нуждается в их любви <...> и что он может быть счастлив лишь вместе с ними и благодаря им». Свою последнюю речь перед депутатами Учредительного собрания Людовик удачно завершил рассчитанной на восторженный прием фразой: «Мое мужество питается надеждой принести им [т.е. согражданам] счастье, и если мне это удастся, то удовлетворение будет мне лучшей наградой»⁸⁷. После этого Учредительное собрание было распущено. Королю предстояло выступать перед незнакомой аудиторией вновь избранного Законодательного собрания⁸⁸.

В течение года в Законодательном собрании Людовик XVI появлялся четыре раза. Порядок заседаний в присутствии короля Законодательное собрание определило специальным декретом 5 октября 1791 г., согласно которому при появлении монарха в зале заседаний депутатам полагалось встать и обнажить головы; после того как он займет место за председательским бюро, депутаты могли сесть и надеть головные уборы. За председательским бюро следовало установить на одном уровне два одинаковых кресла: одно для короля, другое для председателя собрания. Отменялись традиционные обращения к монарху «Сир» и «Ваше Величество», и единственно допустимым титулом при официальном обращении к королю отныне могла быть только зафиксированная в тексте конституции формулировка «король французов»⁸⁹. Фактически начавшееся еще в годы работы Учредительного собрания символическое снижение королевского статуса теперь обрело силу закона.

Через день, 7 октября 1791 г. король произнес свою первую, довольно пространную речь на открытии сессии Законодательного собрания. Он говорил, как это уже стало принято, стоя и с непокрытой головой. Правда, и депутаты на этот раз не воспользовались предоставленным им правом сесть и продолжали слушать короля тоже стоя и с непокрытыми головами. Авторитет монарха оказался сильнее нового регламента. Речь короля должна была понравиться депутатам, так

⁸⁷ Archives parlementaires. Т. 31. Р. 688.

⁸⁸ По закону депутаты Учредительного собрания не имели права переизбираться и стать депутатами Законодательного собрания.

⁸⁹ Archives parlementaires. Т. 34. Р. 84–87.

как она целиком была выдержана в духе принципов конституции 1791 года. Ссылаясь на конституцию, Людовик призывал депутатов употребить полученную власть на то, чтобы обеспечить нации свободу, мир и соблюдение законов, и в первую очередь заняться состоянием финансов. Он как глава государства обрисовал народным избранникам круг возложенных на них задач: привести все законы в соответствие с конституцией, сделать правосудие доступным рядовым гражданам, развивать образование, торговлю, промышленность и сельское хозяйство, обеспечить неимущих работой или пособиями. Себя самого Людовик признал тоже «представителем народа (*représentant du peuple*)», уполномоченным конституцией изучать, санкционировать и исполнять законы. Он обещал, со своей стороны, обеспечить дисциплину и боеспособность армии и флота, а также проводить внешнюю политику, направленную на сохранение мира и предотвращение внешней агрессии (эта часть речи короля дважды прерывалась бурными аплодисментами). В заключение Людовик отметил, что залогом успешной работы и будущего процветания являются «постоянная гармония и неизменное доверие» между ним и депутатами. Враги тщетно надеются посеять между ними распрю – объединенные любовью к родине и заботой об общем благе, король и Законодательный корпус станут неразделимыми⁹⁰.

Следующее появление короля перед депутатами произошло в обстановке надвигающейся войны. Он пришел в Законодательное собрание 14 декабря 1791 г., чтобы прочесть ответ на направленное ему две недели назад послание депутатов, в котором те призывали его обратиться к германским князьям с требованием воспрепятствовать скоплению сил эмигрантов на французской границе. Людовик стоя зачитал текст, составленный военным министром графом де Нарбонн-Лара. Он начал с того, что вновь отметил важность сотрудничества между выборными представителями нации и «ее наследственным представителем». Он заверил депутатов, что уже призывал эмигрантов вернуться во Францию и подчиниться новым законам, а глав соседних государств – не оказывать поддержки их воинственным планам, и если в течение месяца эти призывы не будут услышаны, то ничего не останется, как начать войну. В сложившейся обстановке, говорил король, особенно важно «показать иностранным нациям, что французский народ, его представители и его король – едины», что две ветви

⁹⁰ Ibid. P. 118–119.

власти сотрудничают и уважают друг друга, «что они разные, но не враги». В заключение Людовик подтвердил готовность до конца исполнять свой долг, хранить верность конституции и заявил, что рад «быть королем свободного народа». Реакция на эту речь оказалась неоднозначной. Тогда как депутаты на правых трибунах в течение нескольких минут горячо аплодировали и кричали: «Да здравствует король французов!», на левых воцарилась гробовая тишина⁹¹.

Затем Людовик пришел в Законодательное собрание 20 апреля 1792 г. по случаю объявления войны «королю Богемии и Венгрии». Доклад Королевского совета читал министр иностранных дел Дюмурье. Король лишь подтвердил в заключение, что целиком и полностью поддерживает содержание доклада, что все возможные средства сохранить мир были исчерпаны и что объявления войны требуют «оскорбленное достоинство французского народа и угроза национальной безопасности»⁹².

Последняя речь короля в Законодательном собрании имела место 7 июля 1792 г. Незадолго до этого, 20 июня ему пришлось пережить тяжелое испытание, когда толпа санкюлотов ворвалась в Тюильри в королевские покои, и ее не удавалось оттуда выпроводить в течение трех часов. Под впечатлением от этих событий король, чье положение явно стало шатким, пришел в собрание, чтобы вновь заверить депутатов в своей верности нации и конституции и призвать к «общему единению ради спасения отечества». Он заявил, «что нация и король едины. Если они будут идти к общей цели, то общими усилиями они спасут Францию. Верность Конституции объединит всех французов, и король всегда будет им в том примером»⁹³. Это был последний раз, когда появление короля перед депутатами сопровождалось рукоплесканиями и приветственными возгласами: «Да здравствует король!» В следующий раз он придет в Законодательное собрание 10 августа, чтобы просить у депутатов защиты от толпы, захватившей дворец Тюильри. На этом закончились его публичные выступления в качестве монарха. В дальнейшем его станут слушать уже только как подсудимого на процессе.

По мнению королевы Марии-Антуанетты, известному со слов ее первой камеристки мадам Кампан, в тот роковой день 10 августа 1792 г. всего несколько слов, так и не сказанных королем, могли бы

⁹¹ Archives parlementaires. Т. 36. Р. 110.

⁹² Archives parlementaires. Т. 42. Р. 195–199.

⁹³ Archives parlementaires. Т. 46. Р. 217.

изменить ситуацию в его пользу. «Король, говорила она, не трус; он наделен большим пассивным мужеством, но его подавляют ложный стыд и неверие в себя, происходящие от его характера и воспитания. Он страшится отдавать приказы и более всего боится говорить перед собравшейся публикой <...>. В нынешних обстоятельствах несколько правильно сказанных слов, адресованных преданным нам парижанам, в сто раз увеличили бы наши силы, но король их не произнес. Чего можно ожидать от этих обращений к народу, которые ему посоветовали развесить? Ничего, кроме новых оскорблений»⁹⁴. Эти обвинения королевы в адрес супруга справедливы лишь отчасти. Как мы уже видели, за годы революции король научился преодолевать природную застенчивость и весьма успешно выступать перед сотнями депутатов Учредительного и Законодательного собрания. Но одно дело – уверенно читать перед уважаемыми депутатами речь, заранее подготовленную с помощью министров, и совсем другое – спонтанно находить верные слова, обращаясь к возбужденной городской толпе. На это он не был способен.

В суде Людовик спокойно и хладнокровно отвергал все выдвинутые против него обвинения, настаивая, что не делал ничего, что запрещал бы ему закон, и что всегда старался избежать кровопролития⁹⁵. Впрочем, процесс, по-видимому, мало волновал короля, так как исход дела с самого начала был ему совершенно ясен. Уже после первого допроса в Конвенте, вечером, раздеваясь перед сном, он сказал своему камердинеру Клеру: «В мыслях я был так далек от всех тех вопросов, что мне задавали»⁹⁶. В своей последней защитительной речи 26 декабря 1792 г. Людовик, коротко сославшись на выступления адвокатов, заявил, что ему не в чем себя упрекнуть и его совесть чиста. Он ни словом не упомянул про обвинения в государственной измене и в сношениях с врагами Франции. Лишь один пункт приговора, очевидно, по-настоящему затронул свергнутого короля, и он высказался о нем отдельно, причем с большим волнением. «Я никогда не боялся того, что мое поведение будет обсуждаться публично, – сказал он, – но у меня сердце разрывается, когда я вижу, что в обвинительном акте мне при-

⁹⁴ Mémoires de madame Campan, première femme de chambre de Marie-Antoinette / prés. par J. Chalon. P., 1988. P. 408.

⁹⁵ Interrogatoire du roi // *Girault de Coursac P. et P., Varaut J.-M.* La défense de Louis XVI. P., 1993. P. 39–50.

⁹⁶ Cléry J.B. Journal de ce qui s'est passé à la tour du Temple pendant la captivité de Louis XVI, Roi de France. L., 1798. P. 152–153.

писывают намерение проливать кровь народа и, в частности, ответственность за бедствия 10 августа. Я полагаю, что постоянно и неоднократно доказывал свою любовь к народу и что все мое поведение должно служить доказательством тому, что я без страха подвергал себя риску во избежание кровопролития, и навсегда избавить меня от подобных обвинений»⁹⁷.

Последние обращенные к публике слова бывшего короля прозвучали, когда, поднявшись на эшафот, он крикнул окружавшей толпе: «Я умираю невинным, я прощаю своих врагов и молю, чтобы моя кровь пролилась на пользу народу Франции и утолила Божий гнев!»⁹⁸ На этом его слова заглушила барабанная дробь. Таким образом, в последних своих публичных речах свергнутый король, отказавшись от диалога с депутатами, актуализировал традиционный образ *Rex imago Dei* и представил свою смерть искупительной жертвой за заблуждения народа. Именно поэтому из всех предъявленных ему обвинений Людовик с гневом отверг лишь возложенную на него ответственность за кровопролитие.

Таким образом, в годы Революции, когда политика приобрела публичный характер, Людовик XVI осознал эту перемену и, несмотря на нелюбовь к публичным выступлениям, адаптировал свое поведение к новым политическим реалиям. По сравнению с дореволюционным периодом его присутствие в публичном пространстве стало более заметным. Под влиянием революционных перипетий образ короля, выступавшего с парламентской трибуны, постепенно эволюционировал. Его речи революционного периода – их менявшийся лексический строй и содержащийся в них посыл – свидетельствуют о том, что он, не расставаясь с традиционной и привычной ролью отца подданных, сумел при этом занять новую для себя позицию партнера в диалоге с другой ветвью власти. Он проявил способность контактировать с новой политической элитой в лице Национального собрания. Но ход политического процесса определялся не только в его стенах. Король еще мог занять достойное место перед лицом революции элит, но не революции санкюлотов. Во всяком случае, его поражение было связано не с отсутствием ораторского таланта.

⁹⁷ Discours de Louis XVI // Œuvres de Louis XVI: précédées d'une histoire de ce monarque. 2 vol. P., 1864. T. 2. P. 254.

⁹⁸ Mort de Louis XVI, dernier roi de France (Révolutions de Paris. № 185, 19–27 janvier 1793) // Le procès de Louis XVI / présenté par A. Soboul. P., 1966. P. 233.

Список литературы

- Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция: Крестьянское движение в 1789–1794 гг. М., 1987. [*Ado A.V. Krest'jane i Velikaja francuzskaja revoljucija: Krest'janskoe dvizhenie v 1789–1794 gg. M., 1987*].
- Голицына Н.П. «Remarques sur mes voyages». Дневник путешествия по Европе 1783–1790 г. // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 64 Вяземы. К. 113. Ед. 1. [*Golicyna N.P. «Remarques sur mes voyages». Dnevnik puteshestvija po Evrope 1783–1790 gg. // Rossijskaja gosudarstvennaja biblioteka. Otdel rukopisej. F. 64 Vjazemy. K. 113. Ed. 1*].
- Кожев А. Понятие власти. М., 2006. [*Kozhev A. Ponjatie vlasti. M., 2006*].
- Озуф М. Революционный праздник, 1789–1799. М., 2003. [*Ozuf M. Revoljucionnyj prazdnik, 1789–1799. M., 2003*].
- Пименова Л.А. Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г. // ФЕ. 2005. М., 2005. [*Pimenova L.A. Vlast' monarha absolutna, no ne proizvol'na: Ljudovik XVI i parlamenty v 1774 g. // FE. 2005. M., 2005*].
- Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. [*Elias N. Pridvornoe obshhestvo: Issledovanija po sociologii korolja i pridvornoj aristokratii. M., 2002*].
- Allonville A.-F., comte d'. Mémoires secrets de 1770 à 1830. Vol. 1–2. Bruxelles-Leipzig, 1838.
- Antoine M. Louis XV. P., 1989.
- Archives parlementaires de 1787 à 1860: recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises / sous la direction de J. Mavidal et E. Laurent. 1ère série. P., 1868. T. 1.
- Bossuet J.-B. Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte. Ouvrage posthume de messire Jacques-Bénigne Bossuet. P., 1709.
- Brette A. Histoire des édifices où ont siégé les Assemblées parlementaires de la Révolution française et de la Première République. T. 1. P., 1902.
- Brown E.A.R., Famiglietti R.C. The Lit de Justice: Semantics, Ceremonial and the Parlement of Paris, 1300–1600. Sigmaringen, 1994.
- Cléry J.B. Journal de ce qui s'est passé à la tour du Temple pendant la captivité de Louis XVI, Roi de France. Londres, 1798.
- Corbin A. Le Miasme et la Jonquille. L'odorat et l'imaginaire social, XVIIIe–XIX siècles. P., 1986 (1-е изд. 1982).
- Croy E. de. Journal inédit du duc de Croÿ. 4 vols. Paris, 1906–1907. Vol. 3. Dictionnaire de l'Académie française. Paris: J. B. Coignard, 1694.

- Dictionnaire universel françois et latin contenant la signification et la définition tant des mots de l'une et l'autre langue, avec leurs différents usages, que des termes propres de chaque état et de chaque profession, communément appelé «Dictionnaire de Trévoux». Nancy: chez P. Antoine, 1740. T. 5.
- Discours de Louis XVI // Œuvres de Louis XVI: précédées d'une histoire de ce monarque. 2 vol. P., 1864.
- Egret J.* La Pré-révolution française. P., 1962.
- Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. T. 4. P., 1754.
- Extrait des souvenirs de la vicomtesse de Loménie // Journal de l'assemblée des notables de 1787 par le comte de Brienne et Etienne Charles de Loménie de Brienne, archevêque de Toulouse / publ. par P. Chevallier. P., 1960.
- Fénelon F. de.* Œuvres de Fénelon. Télémaque. P., 1864.
- Fogel M.* Les cérémonies de l'information dans la France du XVIe au XVIIIe siècle. P., 1989.
- Fournel V.* Les Cris de Paris, types et physionomies d'autrefois. P., 1887.
- Fumaroli M.* La conversation // Les lieux de mémoire / sous la dir. de P. Nora. T. III. Les France. Vol. 2. P., 1992.
- Girault de Coursac P.* L'Education d'un roi, Louis XVI. P., 1972.
- Gruber A.-Ch.* Les grandes fêtes et leurs décors à l'époque de Louis XVI. Genève-P., 1972.
- Hanley S.* The «Lit de Justice» of the Kings of France: Constitutional Ideology in Legend, Ritual and Discourse. Princeton, 1980.
- Hanotin G.* Au service de deux rois : L'ambassadeur Amelot de Gournay et l'union des couronnes (1705-1709). Thèse soutenue à l'Université Paris-Sorbonne le 3 décembre 2011. Positions de thèse // http://www.paris-sorbonne.fr/IMG/pdf/Positions_de_these_Hanotin.pdf
- Hardy S.-P.* Mes loisirs, ou Journal d'Événements, tels Qu'ils parviennent à ma connoissance // Bibliothèque Nationale de France. Ms fr. 6681 (mf. 2567).
- Hézecques F. d'.* Souvenirs d'un page de la cour de Louis XVI, par Félix, comte de France d'Hézecques, baron de Mailly / publ. par M. le comte d'Hézecques. P., 1998.
- Interrogatoire du roi // *Girault de Coursac P. et P., Varaut J.-M.* La défense de Louis XVI. P., 1993.
- Kastner J.-G.* Les Voix de Paris. Essai d'une histoire littéraire et musicale des cris populaires de la capitale depuis le Moyen Age jusqu'à nos jours, précédé de considérations sur l'origine et le caractère du cri en général

- et suivi de «Les cris de Paris», grande symphonie vocale et instrumentale. P., 1857.
- La Correspondance politique secrète // *Cahiers Louis XVI*. 1992. № 6.
- Le Paige L.-A.* Lettre sur les lits de justice. Par L.-A. Le Paige. 18 août 1756.
- Leferme-Falguières F.* Le fonctionnement de la cour de Versailles: Une modélisation des notions de centre et périphérie // *Hypothèses*. 1999. № 1.
- Leferme-Falguières F.* Les courtisans: Une société de spectacle sous l'Ancien Régime. P., 2007.
- Lemay E.H., Patrick A.* Revolutionaries at work: The Constituent Assembly, 1789-1791. Oxford, 1996.
- Lever E.* Louis XVI. P., 1985.
- Lilti A.* Le monde des salons : Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. P., 2005.
- Louis XVI, Marie-Antoinette et madame Elisabeth. Lettres et documents inédits / publ. par F. Feuillet de Conches. P., 1864. T. 1. P. 94.
- Marin L.* Le portrait du roi. Paris : Les Editions de Minuit, 1981.
- Maximes morales et politiques tirées de Télémaque, sur la science des rois et le bonheur des peuples, imprimées en 1766 par Louis-Auguste, Dauphin. P., 1826.
- Mémoires de madame Campan, première femme de chambre de Marie-Antoinette / prés. par J. Chalon. P., 1988.
- Milliot V.* Les cris de Paris ou Le peuple travesti: les représentations des petits métiers parisiens, XVIe-XVIIIe siècles. P., 1995.
- Mort de Louis XVI, dernier roi de France (Révolutions de Paris. № 185, 19-27 janvier 1793) // Le procès de Louis XVI / présenté par A. Soboul. Paris, 1966.
- Petitfils J.-C.* Louis XVI. P., 2005.
- Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon par Louis-Auguste, Dauphin // *Œuvres de Louis XVI*. 2 vol. P., 1864.
- Réimpression de l'Ancien Moniteur depuis la réunion des Etats-Généraux jusqu'au Consulat. P., 1841. T. 5.
- Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle / publ. par J. Flammermont et M. Tournoux. 3 vol. P., 1898. Vol. 3.
- Soulavie J.-L.* Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI. 6 vol. P., 1801. T. II.
- Tackett T.* Becoming a Revolutionary: The Deputies of the French National Assembly and the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790). Princeton, 1996.
- Veri, l'abbé de.* Journal de l'abbé de Veri. 2 vol. P., 1928-1930.